

Эта ночь была полна тяжёлых испытаний, и даже самая глубокая внутренняя сила была полностью истощена. Изначально они были покрыты грязью и пылью, но теперь, после того как смыли всё это, оказались полностью мокрыми, с волосами, прилипшими к лицу, выглядящими как два водяных духа.

Хотелось бы использовать внутреннюю силу, чтобы высушить одежду, но даже на это не осталось сил.

Мо Ли посмотрел на Мэн Ци, подумав, что не должен показывать ничего, что отличает его от обычного человека, и начал дрожать.

— Стараясь изобразить, что он дрожит от холода.

Краем глаза он заметил, что Мэн Ци тоже дрожит, и, оценив разницу в силе их внутренней энергии и физическом состоянии, вынужден был усилить свою дрожь, чтобы казаться ещё более замёрзшим.

Это было довольно сложно, поскольку Мэн Ци трясся слишком сильно.

Лекарь Мо почувствовал затруднение, но вдруг заметил, что Мэн Ци, кажется, украдкой наблюдает за ним, и тогда его преувеличенная дрожь немного уменьшилась.

— Ты... ты совсем не замёрз?

— Нет, я очень замёрз.

Мо Ли тут же перестал дрожать, смотря на Мэн Ци с каменным лицом.

Последний почувствовал что-то неладное и постепенно прекратил дрожь. Некоторое время они смотрели друг на друга, прежде чем Мэн Ци внезапно осознал, что, когда он говорил, его зубы не стучали.

Конечно, у Мо Ли тоже не стучали. Именно поэтому Мэн Ци забыл об этом, сосредоточившись только на дрожи тела.

— Это... я...

Мэн Ци вытер воду с лица и с трудом объяснил:

— Моя внутренняя техника склоняется к ян, поэтому я более устойчив к холоду. А ты?

— Люблю зимой плавать в воде, привык. — Мо Ли подумал, что это не ложь.

Они смотрели друг на друга, молча.

Как лекарь, Мо Ли не верил ни единому слову из объяснений Мэн Ци. Внутренняя техника, возможно, делится на несколько видов, но при истощении внутренней силы человек не мог стоять под палящим солнцем пустыни, не получив ожогов, или падать в ледяное озеро, не чувствуя холода.

Даже если бы он не чувствовал холода, этот ледяной ветер дул так сильно, что мокрая одежда уже почти замерзала. Как можно было не замёрзнуть?

Мо Ли повернулся и снял с себя дорожный мешок, который использовали жители провинции Пин в снежные дни для дальних поездок. Он был водонепроницаемым и защищал от ветра. Хотя внешняя кожа была полностью мокрой, внутреннее содержимое оставалось сухим.

Мэн Ци смотрел, как Мо Ли достал из него чистую одежду.

Мешок был невелик, и после того, как в него положили маленький медицинский ящик, места почти не осталось. Внутри лежала только нательная одежда.

— Лекарь...

— Моя одежда тебе не подойдёт. — Лекарь Мо бросил косой взгляд.

Разница в росте между ними была очевидна, а плечи Мэн Ци были шире, чем у Мо Ли.

— Я пойду поищу дрова, чтобы развести костёр и высушить одежду. — Мэн Ци повернулся и направился к лесу неподалёку.

Как только он ушёл, Мо Ли спрятался за несколькими скрытыми камнями и быстро переоделся.

После истощения внутренней силы и падения в воду тело начало реагировать: на голених Мо Ли появился слой чёрной чешуи.

Переодевшись, он вышел и вскоре услышал звук копыт. Его лицо застыло, и он инстинктивно посмотрел в сторону леса.

Мэн Ци как раз вышел из леса с охапкой дров, и его выражение лица было столь же выразительным, как у Мо Ли.

Они посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, схватили свои вещи и побежали в лес.

Как только они скрылись среди деревьев, к озеру подъехал отряд уставших всадников.

Кавалеристы едва не падали с сёдел, они были измотаны, но всё же подвели лошадей к озеру, чтобы те напились. После ночи бешеной скачки даже лучшие скакуны были голодны и устали.

— Генерал, здесь озеро, оно ещё не замерзло.

— Подождите, вода холодная, сначала дайте лошадям глоток крепкого вина.

Голос Лю Даня был хриплым. Он слез с лошади и сел на землю, вытянув одеревеневшие ноги.

Солнце вставало, и, хотя его лучи не согревали, они разгоняли мрак в сердце.

— Генерал, отдохните, братья наверняка уже оторвались от тех двух демонов. Мы взяли с собой лучших лошадей из города Лян, пусть они и не могут, как хвастаются, проходить тысячу ли в день, но за эту ночь мы проехали целых четыреста ли. Даже если те два демона и сильны, они всё же из плоти и крови, разве могут они обогнать таких скакунов?

Услышав слова подчинённого, Лю Дань медленно выдохнул, затем схватил кожаный мешок с вином, висевший у него на поясе, и залпом выпил.

— Чёрт, это просто позор! — Генерал Лю был полон гнева, но не мог его выплеснуть.

Его личные охранники, хотя сначала не понимали, почему Лю Дань бежал, но после произошедшего они были напуганы и не считали поведение своего генерала неправильным.

— Генерал, вы знаете, кто это был...

— Не спрашивай! — рявкнул Лю Дань, затем снова принялся пить.

Охранник осторожно спросил:

— А вы думаете, те люди в особняке... это они убили тех цзиньивэй?

— Этого нельзя исключать. — Лю Дань, полный запаха алкоголя, с ненавистью проговорил. — Эти типы всё время рыщут, ищут сокровища прежней династии, я думаю, они сами нарываються на беду! Они преследуют потомков наследного принца Чжаохуа, говорят, что хотят устранить угрозу, но всё это только для того, чтобы угодить императору. Какая от этого польза?

Все эти жалобы генерала Лю его охранники не решались комментировать.

Место, где они отдыхали, находилось на некотором расстоянии от леса, но те, кто прятался в лесу, обладали выдающимся мастерством и острым слухом, они даже ясно видели раздражённое выражение лица Лю Даня.

Было неловко, особенно когда те говорили, что люди из плоти и крови не могут пробежать четыреста ли за одну ночь.

Эти двое не только пробежали, но и прибыли раньше, чем те на своих скакунах, и даже успели искупаться...

Мо Ли слушал и одновременно наблюдал за Мэн Ци, опасаясь, что тот внезапно взорвётся и схватит меч, чтобы убить кого-нибудь.

Генерал Лю был, пожалуй, самым неумелым в бегстве человеком, которого Мо Ли когда-либо встречал. Как бы это сказать... он словно сам подставлял свою голову, снова и снова, изо всех сил стараясь вручить её Мэн Ци.

Мир так велик, что два незнакомца могут никогда не встретиться, и Мэн Ци не знал, что Лю Дань принимал духовное снадобье. Но Лю Дань не только сам явился, но и сам раскрыл этот секрет. И даже убегая, он делал это так плохо. Неужели в провинции Пин больше не было других дорог? Какая же удача должна была быть, чтобы загнать себя в такую ситуацию?

Если человеку так не везёт, но он всё ещё жив, то, вероятно, он обладает немалыми способностями.

Мо Ли пристально смотрел на Мэн Ци, и тот, конечно, чувствовал это. Он повернул голову и сказал:

— Лекарь, вы действительно мастер своего дела, вы смогли контролировать болезнь. Теперь, когда я вижу Лю Даня, у меня нет приступов.

Лекарь Мо, который ничего не делал, кроме как дрался с Мэн Ци всю ночь...

— Даже если вы будете меня хвалить, я не соглашусь лечить вас.

Мо Ли говорил холодно. Теперь они были далеко от уезда Чжушань, и если он будет следить за Мэн Ци, то не нужно бояться, что тот пойдёт создавать проблемы господину Циню.

— Разве знаменитый лекарь не должен интересоваться сложными болезнями? — удивился Мэн Ци.

— Мне не нравятся люди, которые скрывают свои болезни.

Услышав это, Мэн Ци замер, с любопытством глядя на Мо Ли.

Мо Ли не отводил взгляда, глядя ему прямо в глаза, и произнёс:

— Твоя болезнь серьёзнее, чем ты описываешь. Ты хочешь убить не только всех, кто связан с этим делом, но и всех, кого ты видишь. Неважно, кто они и что они сделали, без всякой причины, верно?

Мэн Ци молчал.

Мо Ли глубоко нахмурился. Он, как и Цинь Лу, ненавидел тех, кто убивает невинных. Мэн Ци явно становился таким человеком, но в то же время Мо Ли чувствовал, что Мэн Ци изо всех сил старается сдерживаться, чтобы этого не произошло.

— Ты спешишь обратиться за помощью не только потому, что знаешь, что многие из тех, кто связан с этим делом, не заслуживают смерти, но и потому, что, если все, кто связан с этим, умрут, ты потеряешь свою главную цель ненависти и полностью выйдешь из-под контроля.

Слова Мо Ли заставили Мэн Ци задуматься. Он вдруг усмехнулся, и в его глазах мелькнуло безумие:

— Как ты догадался, лекарь? Другая моя сторона, кажется, не говорила ничего безумного?

— Его взгляд на людей был неправильным.

Произнося это, Мо Ли уже сжимал нож в рукаве. Отсутствие внутренней силы не означало, что его боевые навыки стали бесполезны.

Но Мэн Ци не стал атаковать и не потерял контроль. Вместо этого он признал:

— Я уже три года не был в Тайцзине, даже близко не подходил. Ты прав, я чувствую мысли той стороны. Если все, кто убил моего любимца и уничтожил моё духовное снадобье, умрут, и даже их хозяин, император на троне, умрёт... голова врага не будет концом, а началом чего-то ещё более ужасного.

Мо Ли, глядя на его потерянный вид, вдруг почувствовал жалость.

Он не показал этого на лице, а просто сказал:

— Я знаю, что ты стараешься. Ты ещё не убил ни одного невинного человека.

<http://bllate.org/book/15299/1351795>